

Север: поисковое поле этико-прикладных исследований

В рубрике «Из истории инновационной парадигмы прикладной этики» в этом выпуске журнала предпринимается републикация статьи 1992 года из сборника научных трудов «Этика Севера», изданного институцией – предшественником НИИ ПЭ – Центром прикладной этики совместно с Институтом проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН¹.

Выбор статьи обусловлен не только тем, что ее авторы – В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов² – разработали концепцию инновационной парадигмы прикладной этики. Но прежде всего тем, что в ней уже были обозначены проблематизации, составляющие основной тематизм 53-го выпуска журнала «Ведомости прикладной этики» – «что (не)может прикладная этика в ситуации экспертизы идеологии и практики...».

В 1992-м году, на этапе институционализации этико-прикладного знания, вопрос о концептуальном и методологическом потенциале прикладной этики был одновременно и вопросом об ойкумене прикладной этики. И проблемы этики Севера, не принадлежавшие четверть века назад к числу традиционных рубрик научных исследований, рассматривались авторами проекта как предмет междисциплинарного научного поиска. Не являвшиеся привычными для этических исследований, они нуждались в то время в обосновании (и это было заявлено в предисловии редакторов сборника) возможности и необходимости их этической проблематизации – «уяснении этическим знанием фундаментальных интенций общего умонастроения в отношении к Северу, делающих подвижными устоявшиеся границы познавательных стратегий»³.

Этико-прикладной подход к этическим проблемам развития Севера проявлялся выведением на передний план из двух основных ипостасей прикладной этики проблемы приложения ценностей и норм общественной нравственности к различным сферам жизни общества (оставляя на заднем плане «технологизацию» результатов фундаментальных исследований в целях проектировочной функции

---

¹ Этика Севера. Сборник научных трудов. Под ред. В.И.Бакштановского, Т.С.Караченцевой. Издание Института проблем освоения Севера и Центра прикладной этики. Сибирское отделение РАН. – Томск, 1992. – 180 с.

² Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Правила игры на Полюсе: Этика Севера в структуре общественной нравственности // Этика Севера. Сборник научных трудов... С. 5-29.

³ См.: Этика Севера. Сборник научных трудов... С. 3.

научного знания). Уже тогда под «этикой Севера» понималась не аппликация и даже не детализация, но развитие общественной нравственности в процессе конкретизации ее ценностей и норм.

Авторы публикуемой здесь статьи анализируют материалы экспертного опроса, предпринятого в рамках проекта «Арктическая политика: человеческое измерение»⁴. Некоторые экспертные тексты были опубликованы в одноименной рубрике 51-го выпуска «Ведомостей прикладной этики»⁵. Представляется, что их публикация, а теперь и этико-прикладной их анализ, в целом позволяют реконструировать абрис приложения новой научной дисциплины – прикладной этики, к новой в то время ситуации – новому освоению Севера. Анализируя суждения экспертов различных дисциплинарных направлений в отношении предмета этики Севера, образов Севера, авторы статьи извлекают «заделы», раскрывающие феномен Севера как поисковое поле этических исследований и, тем самым, демонстрируют потенциал приложения этико-прикладного знания к исследованию этики Севера. При этом в фокусе приложения этико-прикладного знания – базовый (как четверть века назад, так и сегодня) конфликт между различными системами моральных ценностей.

Обращение к теме «Этика Севера» в тот период – познавательная ситуация для самой этики: поиск выхода из монодисциплинарной методологии и возможность наметить «что может прикладная этика».

Для современности, в которой этико-прикладное знание переживает ситуацию, казалось бы, не столько расширения своей ойкумены, сколько, наоборот, ее сужения из-за «закрытия» уже ставших традиционными для нее некоторых сфер приложения, эта публикация может быть полезна в качестве еще одного стимула для осмысления потенциала работы прикладной этики в концентрированно полидисциплинарном поле исследований.

---

⁴ См.: Арктическая политика: человеческое измерение. Материалы экспертного опроса к международной конференции / Под редакцией В.И.Бакштановского / АН СССР. Сибирское отделение. Ин-т проблем освоения Севера. – Тюмень, 1990.

⁵ См.: Императивы Этики Севера //Этика профессии как ценностный ориентир проектирования миссии университета. Ведомости прикладной этики. Вып. 51 / Под ред. В.И.Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ, 2018. С. 166-212.

В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов

ПРАВИЛА ИГРЫ НА ПОЛЮСЕ:
ЭТИКА СЕВЕРА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ
НРАВСТВЕННОСТИ

Север. Воля, Надежда. Страна без границ.
Снег без грязи – как долгая жизнь без вранья,
Воронье нам не выключает глаз из глазниц.
Потому что не водится здесь воронья.
В. Высоцкий. Белое безмолвие.

И ожила земля, и помню ночью я
На той земле танцующих людей!...
Я счастлив, что превысив полномочия,
Мы взяли риск – и вскрыли вены ей!
В. Высоцкий. Тюменская нефть.

Две песни одного автора, две системы моральных ценностей, приложенные к одному и тому же объекту, – таков емкий образ социально-нравственного конфликта, в котором ситуация (но не просто «обстоятельства») сталкивает между собой не разные заповеди общечеловеческой морали, но их конкретизации, расположенные между двумя полюсами шкалы ценностей этики Севера, ставшей, в определенном смысле, полюсом, моральным пределом, фиксирующим не только топографический срез этоса, но и не менее (более?) существенную координату – «историческую долготу».

Беспокоящее своей странностью словосочетание «этика Севера» возникает на пересечении «географической широты» и «исторической долготы», в котором фокусируется актуальная проблематика прикладного этического знания, неведомая для традиционной дисциплинарной каталогизации этой древней науки. Уже только поэтому мотивация актуальностью требует дополнения (может быть – «прежде всего») другой мотивацией – предметной основательностью.

В первых известных нам попытках отразить «этику Севера» выдвинуто несколько подходов. Заявленные в ряде публикаций коллектива лаборатории прикладной этики Института проблем освоения Севера СО РАН, а затем Центра прикладной этики ТНЦ СО РАН,⁶ они явно или кос-

---

⁶ См., напр.: Арктическая политика: человеческое измерение. – Тюмень, 1990; Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза. – Тюмень, 1991; Этика Севера: экспертный потенциал. – Тюмень. 1991.

венно пересекаются с подходом, представляемым в данной статье: нередко они внутренне полемичны с ним – прежде всего потому, что сам этот подход еще только начинает претендовать на известную оформленность. Преодоление такого состояния – одна из задач нашей работы.

Что же касается актуальности, то начавшееся сегодня новое «новое освоение» нефтегазовых ресурсов Тюменского Севера в условиях глубокого кризиса всей страны не может не спровоцировать вольное или невольное ослабление едва лишь наметившихся гуманистических критериев «освоения», что с большей степенью вероятности грозит обернуться не простым усилением аморальных мотивов в отношении к Северу, но и изощренной эксплуатацией именно моральной мотивации: ради выживания страны на время принять критерий об оправдании благой целью любых сиюминутно эффективных средств. Выделение «предмета» этики Севера в этой ситуации могло бы вселить робкие надежды как-то уменьшить степень указанной вероятности, ибо конкретизация ценностей и норм общечеловеческой морали способствует, на наш взгляд, укреплению потенциала категорического императива, золотого правила и т.п. инвариантов моральных абсолютов.

Казалось бы, можно ограничить представление сущности этико-прикладного подхода к исследованию этоса Севера такими предварительными характеристиками, как, например, концентрация оформленных сегодня в нашем исследовательском опыте направлений приложения этики (этико-политических, этико-экологических, этико-этнических, этики гражданского общества, этики воспитания) вокруг системообразующей темы развития Севера. Однако непроблематична ли сама «системообразующая»? Представляющаяся очевидной в этой роли этноэкологическая проблематика настолько видоизменяется при сопряжении ее с проблематикой становления гражданского общества, с политической и воспитательной этикой, что, вероятно, сегодня еще невозможно отождествить этику Севера с этноэкологической. Однако в качестве гипотезы хотелось бы сейчас опробовать именно эту возможность в ключе проблемы «Освоение без отчуждения».

Столь же кажущейся становится «очевидность» трактовки прикладного подхода к этике Севера как элементарной кооперации прикладных результатов социологических, культурологических, конфликтологических, этнологических и прочих исследований. «Размещение» всех этих результатов (и их оснований) «в одной лодке» – условие лишь необходимое. Достаточные условия – в поиске гуманитарных ориентиров, способных комментировать и сбалансировать конфликт интересов всех субъектов (в том числе и тех, кого сегодня считают лишь «объектами») решения судьбы Севера.

1. Что дозволено прикладной этике?

Возможен ли безусловный моральный императив для определенных

условий (в нашем случае – освоение Севера)? Остается ли он при положительном ответе именно категорическим, устоявшим перед рефлексивным скепсисом-прогнозом, сформулированным самим Кантом: «Нужно еще считаться с возможностью, не гипотетические ли в скрытом виде все те императивы, которые кажутся категорическими».⁷

Проще всего сказать, что даже прикладная этика остается этикой и: потому не претендует на выработку решения собственно утилитарных проблем общества и личности (например, на спасение от кислотных дождей). Но этим не ответишь на более напряженное сомнение: может ли этика вчерашнего дня заниматься днем завтрашним?!

Время поставить вопрос более точно: в каком смысле речь идет об этико-прикладном подходе к развитию Севера? Из двух основных ипостасей прикладной этики мы сейчас выводим на первый план (оставляя на втором «технологизацию» результатов фундаментальных исследований в целях проектировочной функции научного знания) проблему приложения ценностей и норм общественной нравственности к различным сферам жизни общества. Под «этикой Севера» мы имеем в виду не элементарную аппликацию и даже не детализацию или «комплект подробностей», но и развитие общественной нравственности в процессе конкретизации ее ценностей и норм.

Опираясь на сформулированную в наших работах позицию в понимании природы приложения⁸, мы полагаем, что преобразование, переакцентировка, переосмысление представлений, оценок, суждений, норм; новые «сцепления» моральных норм с иными регулятивами (политическими, правовыми, эколого-этническими и т.д.), изменения в иерархии составляющих морального кодекса; возникновение новых установок, стимулов, запретов – признаки, позволяющие выявить различие между основаниями морали, ее

---

⁷ Кант И. Соч. в 6 томах. Т. 4. Ч. 1. С. 258.

⁸ Бахитановский В.И., Согмонов Ю.В.. Введение в политическую этику. – Москва-Тюмень, 1990; они же: Социально-политический процесс и гражданский этос: феномен коэволюции. – Социологические исследования, 1991, N 7; Бахитановский В.И., Потапова Е.П., Согмонов Ю.В.. Выбор будущего: к новой воспитательной деонтологии. – Томск, 1991. Напомним: речь не идет о том, что нравственный субъект постоянно апплицирует всеобщее нравственное знание к конкретной ситуации, так как знание это фронестического типа (знание – умение), а не эпистемологического и потому строится на понимании, которое всегда уже является свершением, применением (см.: Гадамер Х.Р. Истина и метод. – М., 1988, с.366). Вопрос, однако, стоит не об отдельном действующем субъекте, а о применении всей системы нравственного знания к той или иной сфере деятельности, и оно, следовательно, оказывается как бы промежуточным, специфицированным знанием, которое в видоизмененном состоянии подлежит применению действующим субъектом в этой сфере.

базовыми ценностями и ее приложениями (возможными и неизбежными применительно к разным эпохам, культурам, общественным устройствам), различие, выражающееся в способе практикования базовых ценностей общественной морали.

Если не ставить себе задачи исследования своеобразия этики Севера, придется навсегда распрощаться с надеждой раскрыть природу северного этоса – достаточно будет провозглашать и провозглашать всеобщий характер моральных требований, обязательств, ответственности, велений совести и т.д. В то же время нельзя поддаваться соблазну просто «наложить» друг на друга понятие «этика» и «Север».

Стоит, однако, только задуматься относительно трудностей и многоплановости определения каждого из понятий – «этика» и «Север», как станет самоочевидной бесплодность операций по их механическому соединению. Никакие конструктивистские ухищрения, любые поиски более простых и податливых к симбиозу определений этих понятий не смогут дать подлинного категориального синтеза без анализа методологии самой процедуры «приложения» как «конкретизации».

Процессы конкретизации в морали в известной степени давно знакомы этической науке: когда она исследовала различные виды профессиональной морали, всевозможные этосы (труда, науки, воспитания, административного дела и т.п.). Анализ процессов конкретизации был опробован как с точки зрения выделения особых социопрофессиональных групп, структур деятельности, так и с точки зрения выделения специфических сфер деятельности, в которые вовлечены и профессиональные, и непрофессиональные группы, межгрупповые, неинституционализованные общности, различные ассоциации.

Иногда полагают, что конкретизация общественной нравственности применительно к определенной деятельности заключается в обнаружении таких особенностей и ситуаций, в которых требуется наложить мораторий на общие моральные повеления, а задача этики не только оправдать такие отступления, но и предельно минимизировать их до единичных случаев, квалифицировав как неизбежное зло.

С подобным пониманием полностью согласиться нельзя. Важно не допустить такого искажения процесса приложения как конкретизации, когда моление одним богам (всеобщие моральные требования и оценки) сменяется истовым поклонением другим (частные требования и оценки). Задача заключается в том, чтобы совершался процесс настоящего развития содержания и формы морали в связи с ее применением в какой-то особой сфере человеческой деятельности. А так как результаты такого развития не могут быть прямо «извлечены» из всеобщих представлений, важно исследовать роль и механизм уже названных ранее четырех факторов приложения. Во-первых, это известное преобразование, переакцентировка, а в ряде слу-

чаев даже переосмысление содержания моральных представлений, норм, оценок, а также соответствующих нравственных чувств (так как осуществление Абсолюта не проходит бесследно для его содержания). Во-вторых, это новые артикулирования в способах «сцепления» норм, ценностей, поведенческих правил между собой и со всеми другими регулятивными и ориентационными средствами, с требованиями и правилами всевластного обычая. В-третьих, структурная перестройка, исключительно важные изменения в иерархии предписаний и оценок. И в-четвертых, развитие общественной нравственности проявляется в создании новых ценностей и норм, не имеющих приложения нигде больше, кроме как в данной ветви прикладной этики.

Разумеется, и к этике Севера прямо относятся указанные факторы приложения, и в этой сфере конкретизации – на пересечении «географической широты» и «исторической долготы» существуют опасности как для процесса конкретизации «сверху», со стороны проектировочной функции науки, так и «снизу», в форме «этических рационализаций» в сфере этоса. На полюсах этой опасности – абсурдная «деабсолютизация» морали и, с другой стороны, утеря в процессе приложения уже не абсолюта, но «особенного», получение в итоге конкретизации того же самого результата, который уже был на старте. Мы полагаем, что известная профилактика этих опасностей заложена уже в самой идее развития экспертной функции прикладной этики, предполагающей диалог этики и морали, в такой экспертизе этоса Севера, к которой причастны все субъекты морального творчества. Экспертная функция этики обращена в этом случае как к задаче «экспертизы экспертиз», т.е. этическому, этико-прикладному «освоению» итогов гуманитарных исследований Севера, так и к освоению «данных» собственно экспертных акций (в режиме «меритократических» и «демократических» экспертиз).

Но прежде чем обратиться к тем и другим результатам для анализа самого понятия «этика Севера», подчеркнем принципиальную значимость осознания гуманистического потенциала этико-прикладного подхода вообще, а к его «северному» направлению – в особенности. К какой из гуманистических парадигм (сегодня трудно не заметить своеобразного плюрализма в понимании природы гуманитарности знания) тяготеет наш подход? На первый взгляд – это «рационально-гуманитарная» парадигма, свойственная прикладному научному знанию. Однако, как мы уже подчеркивали в предшествующих публикациях о специфике теоретизирования в сфере приложений этики, речь должна идти о «понимающей этике», о «мягкой» версии теоретизирования, об установке на диалогичность знания обыденного и теоретического в процессе морального творчества. Именно с этой позиции можно хотя бы осознать – и по мере сил стараться исключить – угрозу дегуманизации научного мышления в отношении Севера, закрепляющего, в

свою очередь, варварские тенденции в мышлении обыденном (технократизм, редуционизм и т.д.), противостоять – в том числе и внутри самого этико-прикладного подхода! – вольным или невольным тенденциям вынесения ценности человека за пределы структуры знания, претендующего на гуманитарность. Это противостояние тем более важно для коллективных исследований, в которые вовлекаются носители различных научно-культурных парадигм, школ, традиций, что, собственно, неизбежно (и даже эвристически необходимо) в отношении такого «предмета» как Север. Этика столкновения различных прикладных этик – атрибут теории и практики освоения Севера, особая забота периода становления «Этики Севера».

2. Образы Севера и его этики: эксперты начинают и ...

Характеристики Севера и его этоса – первое, что привлекает внимание этико-прикладного знания. В этом смысле значимы и куплеты песен В.Высоцкого, вынесенные в эпиграф данной статьи. Вероятно, первый из них можно трактовать как моральную Утопию, а второй – как антиутопическую метафору.

Почти тождественный понятию «Север» образ границы также нагружен нравственными смыслами. Этнолог А.И. Пика фиксирует эти смыслы следующим образом. «Особая ”этика Севера”, на наш взгляд, существует. В основе лежит понятие ”граница”, и смысл здесь в том, что люди, приезжающие на Север, как в прошлом, так и сейчас, попадают из жестких тисков общественных законов и правил, установлений в мир относительной свободы и бесконтрольности. ”Закон – тайга” – говорили раньше, и это значит, что человек может и должен сам делать свой этический выбор на основании внутренних качеств и побуждений, менее, чем на Юге, сообразуясь с общественными установками. Граница и Север – это динамичное, маргинальное пространство, где особенно много злодеев и много защитников, много правдоискателей и меньше заурядных людей, обывателей. Это создает особую, активно тревожную эмоциональную атмосферу жизни на Севере, которая затрагивает какие-то особые струны мужской психологии. Отсюда известное притяжение Севера. Оно более характерно для мужчин, что-то заставляет их вновь и вновь возвращаться на Север. Там мало государства и много свободы, там настоящая жизнь...».⁹

Синтез образности и рационально-рефлексивного содержания принадлежит участнику экспертного опроса, включающего и вопрос о понятии «этика Севера». Итак, мы переходим к иной, не альтернативной в отношении к образной, но дополняющей информации, к потенциалу экспертных

---

⁹ А.И.Пика. «Мы за ценой не постоим...» – антипод человеческого измерения // Арктическая политика: человеческое измерение. – Тюмень, 1990. С.70.

оценок.¹⁰

Тем экспертам, которые отвечали на вопрос «Допустимо ли говорить об особом направлении приложения этики – ”этика Севера”?» утвердительно, предлагался вопрос уточняющий: «Чем может отличаться это направление этики, каковы ее ценности и нормы?». Представляется возможным сгруппировать предложенные ответы по следующим основаниям.

Прежде всего, экспертные суждения, считающие выделение какой-то особой «этики Севера» безосновательным. Здесь выражается позиция, отрицающая существование «арктической аксиологии». Аргументы этого «отказа» таковы: «Я не являюсь сторонником выделения особой этики Севера. Это словосочетание используется сейчас (и должно использоваться еще некоторое время) в чисто тактических целях – для привлечения внимания к этому наиболее уязвимому и в то же время все еще относительно нетронутому району СССР (речь идет о Ямале – *ред.*). В целом же везде – и на Севере и на Юге – отношение к природе, к территории требует опоры на определенные, во многом единые этические ценности. Поэтому ни до какой экологической этики ”своей деревни” доходить не должно», – пишет Е.Ш. Гонтмахер (II, 53)¹¹.

Опасаясь исказить контекст экспертных суждений, мы минимизируем их обработку даже за счет возможного злоупотребления цитированием. И поэтому представим логику данной позиции еще одним рассуждением автора из ответа на аналогичный вопрос в анкете об арктической политике. Мы полагаем, что тем самым покажем и себе и читателю основания позиции эксперта, которые далеко не исчерпываются очевидной опасностью довести «приложение» до предельно детализированной «этики своей деревни». Считая нецелесообразным говорить об особой «арктической аксиологии», автор приводит следующие аргументы.

«Если исходить из всеобщности ”человеческого измерения”, то основные этические ценности (нормы поведения между людьми и отношения с окружающей средой) в принципе везде одинаковы – на Севере, Юге, Западе и Востоке. Другое дело, что в разных ”частях света” эти нормы нарушаются в самой различной степени. К примеру, в развитых странах Запады образ жизни и взаимоотношения людей в наибольшей степени приближены к желательному, с точки зрения этики, состоянию. На Востоке ситуация намного хуже. Неблагополучно и положение Севера, где многие всеобщие

---

¹⁰ Кроме материалов цитированного выше опроса см. сб.: Ямальский конфликт: гуманитарная экспертиза. – Тюмень, 1991.

¹¹ Здесь и далее цитаты из сборников материалов экспертных опросов будут оформляться в самом тексте, где в скобках первая – римская – цифра означает соответственно сборник «Арктическая политика...» (I) и сборник «Ямальский конфликт...» (II), а вторая – номер страницы сборника.

человеческие ценности утрачены. Таким образом, нет "арктической этики", а есть "арктическое состояние общечеловеческой этики", которое столь всех нас и беспокоит» (I, 43).

Не пропустим здесь невольной «уступки» идее приложения – она, кажется, содержится в характеристике «арктическое состояние общечеловеческой этики». Не пропустим этого и в суждении еще одного эксперта, О.А. Донских, полагающего, что «любая традиционная этика – вариант общечеловеческой, и здесь нет "регионализации": ведь общечеловеческая этика не существует как абстрактное учение, а реализуется в моральных и религиозных системах разных народов» (II, 59). В данном случае уступочные слова – «вариант», «реализуется». Возможно, здесь точки встречного движения от двух крайностей: гиперабсолютизма и гиперрегионализма.

Среди иных позиций, аргументов, которые могут быть выставлены против идеи «Этики Севера» как направления приложения, представляется важным предупреждение-напоминание об «идеологической нагруженности» понятия, о возможной подмене собственно этического содержания внеэтическим, идеологическим. Так, по мнению Л.С. Березина, «понятие "этика Севера" так же, как, допустим, "этика Востока", не имеет собственного содержания, точнее, вкладываемое в него содержание ему самому не принадлежит, будучи "делегировано" либо идеологическими (нравственные нормы, отождествляемые с той или иной политико-экономической системой), либо этносоциальными (традиции и нормы поведения определенных этнических групп, неотъемлемым элементом которых данная территория является) факторами. Этическое измерение здесь отражает столкновение культур, общностей, различие которых идеологически или этнически обусловлено, т.е. ситуацию универсальную, индифферентную к ее географическим координатам. Использование термина "этика Севера" здесь, на наш взгляд, выступает, с одной стороны, уступкой, а с другой – развитием мифологии Севера, имеющей давние традиции и приобретающей сегодня, очевидно, новых adeptов» (I, 22).

Не пропустим (и не упустим) и здесь момент «обусловленности» этического измерения как возможную точку для «встречного движения».

А теперь сосредоточимся на суждениях экспертов, включившихся в позитивную разработку «этики Севера». Ряд авторов трактует такую этику как этику полюса, предела, границы, фронта, к которым подошла экспансия евроамериканской индустриализации. Проявляя толерантность в отношении тех инициативных исследователей, которые хотели бы услышать положительный ответ на вопрос о допустимости говорить об «арктической аксиологии» и «этике Севера», И.И. Крупник «не возражает»: «... допустимо, особенно если очень хочется так говорить», полагая при этом, что если задача инициаторов состоит в том, чтобы найти особую этику Севера, то ее «нужно искать». Где и в чем? «Думаю, что в условиях Севера, в условиях

Арктики в конце XX века впервые поставлен предел экспансии европейской индустриальной цивилизации не столько на основе прагматического расчета или силового давления, как это было на Юге или на Востоке (где проходила деколонизация), сколько на основе экологических или гуманитарных ценностей. Прежде всего – охрана природы, сохранение природы, национальных меньшинств. В этом смысле существует этика Севера и существует гигантский нравственный смысл и нравственный опыт, не скажу – для человечества, но для индустриального мира, индустриальной цивилизации. Впервые в условиях Севера пришлось сделать этот выбор и сделать его именно в таком направлении» (I, 58).

Отметим, что «предельность» как фактор этики Севера может трактоваться и как обратное приложение: как универсализация этноэкологических ценностей Севера, их распространение в глобальном масштабе. Так, например, А.К. Омельчук, отмечая, что этика Севера уникальна, полагает, что «она должна распространяться на всю планету, потому что это – норма отношения человека к природе, та норма, которую мы видим в ”первобытной” этике малых народностей Севера по отношению к природе. Думающее человечество внимательно присматривается к опыту северянина. Северная этика становится универсальной, распространяется на все другие территории, где, казалось бы, конфликт человека с природой пока не так ярко выражен» (II, 84-85). «Модель северной этики становится глобальной» (I, 65).

В русле «предельной» трактовки этики Севера – постиндустриалистические и постматериальные экспертные суждения Г.С. Батыгина, выраженные уже в экспрессивном названии его текста: «Шаббат – этика Севера?» (I, 14). Прежде всего, автор отклоняет привычное отождествление Севера с «районом нового освоения», трактуемым при этом как «то, чем можно пользоваться безнаказанно». По глубокому убеждению Г.С. Батыгина, Этика Севера (оба слова с большой буквы) – это не «северная этика» или «человеческое измерение арктической политики», или концепция «сбалансированного развития». Вот его ключевые слова и предложения: «граница человеческого пространства, где происходит столкновение с предельными вопросами бытия», «Этика Севера – этика Покоя», «Шаббат – не просто безделье. Это философия и ритуал отрешения от греха ”полезного” вмешательства в мир...».

Отметим прямую связь авторской версии Этики Севера и его представлений о смежных понятиях, составляющих контекст опроса экспертов. В понятии «человеческое измерение» он видит: как порождение нашего стремления противостоять «технологической интервенции в мир», так и, одновременно, следствие «безъязыкости, цивилизации, утраты имени». Считая такое понятие элементом новояза, Г.С. Батыгин пишет: «Север как ”район нового освоения” или полигон ядерных испытаний – тоже результат человеческого ”измерения”, можно сказать ”человеческого, слишком чело-

веческого” измерения. Если уж продолжить эту парафразу, этика Севера, по большому счету, это – мост к сверхчеловеку, выход за пределы инструментального, полезного существования в свободу. Этика Севера в этом плане не северная этика, а шанс для человечества» (I, 16-17).

Наиболее «очевидное» и потому чаще других проявляемое в ответах экспертов представление об этике Севера связано с выделением этики миноритетов, а также этики коренных жителей и в дополнение к ним еще и этики «покорителей», «освоителей» и т.п.

Выделим здесь суждения об этосе последних. Так, по мнению Б.Б. Прохорова, «на Севере, как и в других экстремальных районах или при часто повторяющихся экстремальных ситуациях, сформировалась этика малых групп (не уверен, что здесь в полной мере применимо понятие ”этика”, возможно, следует говорить о кодексе выживания). Этот свод правил ориентирован на самосохранение, самовыживание, самообогащение. Нормы поведения каждой такой группы сводятся к простым (хотя и очень важным для выживания в экстремальных условиях) законам: ”Не бросай товарища в беде!” (самосохранительный подтекст – иначе и тебя могут бросить в трудной ситуации). ”Не выдавай товарища из своей группы, если он совершил преступление против другой группы, начальства, общества”. «Покарай ”чужого” и особенно ”своего”, если затронуты интересы своей группы, чтобы другим впредь было неповадно...». Перечисленные заповеди освоителя Севера, которые можно и расширять, чем-то даже привлекают... Этаким песенный сюжет: ”Мы верим мужеству отчаянных парней”. Но в ”этике” таких групп есть и другие неписанные нормы поведения: ”Все пьют, и ты пей”. ”Постреляли оленей у коренных жителей – молчи” и т.д. ”Что же это за люди?” – спросят меня. Отвечу: нормальные наши люди, большинство из которых способны на самопожертвование, добрые дела, яркую любовь, сочинение стихов и песен. Но это люди группы, находящейся в экстремальных условиях, которые диктуют свои законы» (II, 96-97),

Как видим, «предел» здесь – как предмет «приложения» – между нравственностью общественной и групповым эгоизмом. Трезвое осознание такого конфликта – актуальная задача этики Севера, даже если автор цитированных суждений, анализируя северный этос применительно к ситуации ямальского конфликта, вместе с очевидно скептическим настроением («Может ли этика спасти Ямал?» – название текста) и не стремился обосновать географическую специфику северного этоса.

Тем более важно выделить «страноведческий подход» к этике Севера. Как полагает В.Т. Ганжин в тексте с характерным заголовком «Страноведческий рефлекс в этике конца XX века», в мысли Паскаля «вопрос нравов – это вопрос географической широты» для современности есть рациональное зерно. «Оно, – пишет В.Т. Ганжин, – состоит в том, чтобы с помощью выработанных полярными и приполярными народностями культурных образ-

цов экологизировать хозяйственное мышление в ареалах умеренных широт, используя их так же как урок для смятения нравов (хотя бы как аргумент против концепции врожденной агрессивности человека, а так же как реальный аргумент в профилактике самоубийств в умеренных широтах, в воспитательной практике, когда этос жизнелюбия падает до самой низкой отметки, а дух морально разоружается и впадает в нигилизм). Следует подумать об ответной реколонизации духовной жизни населения умеренных широт, обогащении ее арктическими ценностями ("коммунитарность", жизнестойкость, простота и доверительность в межличностном общении, воспитании и социальном управлении, "аксиологическая прозрачность" арктической картины мира) как условия, которое необходимо выполнить для того, чтобы современное мировое сообщество могло перейти от состояния демографического конгломерата к состоянию общепланетарной нравственной общности» (I, 34). Зафиксируем и здесь переключку с идеей «обратного приложения» и перекинем мостик к этической регионалистике, сопряженной с этическим страноведением.

Пытаясь понять, «что такое этика Севера», М.Г. Ганопольский стремится сохранить проблематику географии морали «в контексте локальных феноменов нравственности, условием обособления которых является четко выраженная организационная структура» (I, 37). Районы интенсивного промышленного освоения, находящиеся в арктической и субарктической зоне, предстают в авторской концепции как определенным способом организованные социоприродные комплексы. «Способ организации формирует и соответствующую сетку ценностей. Именно эти ценности, возникающие на стыке взаимодействия человека и суровой, но достаточно хрупкой и ранимой северной природы, можно считать содержанием Арктической аксиологии. Однако эти ценности (их иногда называют "ценностями покорения") не исчерпывают всего ценностно-нормативного комплекса, тем более, когда широко распространенным является не десантный, вахтовый и подобные им методы организации трудового процесса, а освоение-обживание. Поэтому, чтобы говорить об этике Севера, нужно иметь в виду складывающиеся здесь специфические нравственные отношения, особый стиль жизни людей, для которых Север не только место приложения труда, но и часть их самих» (I, 37).

Оставляя за пределами первоначального анализа богатейших материалов экспертных опросов по проекту «Этика Севера» такие моменты, как, например, гуманитарный потенциал арктической политики, принципы и методы арктической конфликтологии, экспертиза конкретных конфликтных ситуаций освоения и т.п., попытаемся далее извлечь из суждений экспертов те «заделы», которые полнее раскрывают тему, вынесенную в заголовок данного раздела, и определить более строго место заявленного нами подхода к исследованию этики Севера как одного из направлений этических при-

ложений.

Прежде всего, зафиксируем поддержку тезиса о том, что задача этической конкретизации – и в ее проектировочной форме (со стороны науки), и в форме этических рационализаций – действительно не может быть решена, если прикладная этика не сможет пройти между Сциллой «деабсолютизации» и Харибдой банального тождества с исходными моральными ценностями. Дополнительные аргументы для нашего подхода находим в ответах участников экспертного опроса. Как справедливо полагает В.С. Дмитриев, введение понятия «этика Севера» сопряжено с разграничением общегуманитарных закономерностей и региональных особенностей, а «дифференциация общезначимых ценностей в попытке привязать их к региональным условиям может в конечном счете привести к их утере» (I, 46).

Другой автор, О.Г. Донских, отмечает, что различая этические нормы разных социальных общностей на Севере и исключая преобразование как этических установок коренного населения, так и тех, кто пришел завоевать Север, «необходимо обсуждать возможность выработки принципов некоей метаэтической системы, принимаемой всеми жителями Севера». Представив такую метаэтику гипотетически уже созданной, он фиксирует, что «основные ценности и принципы будут тривиальны» (I, 47-48). Казалось бы, патовая ситуация? Не совсем так, ибо участниками опросов предлагается и критерий выхода из нее.

По мнению В.Т. Ганжина (авторы данной статьи имеют совместный с В.Т. Ганжиным опыт исследования и разработки идей этического проектирования), «ясна неадекватность спора абсолютизма и релятивизма в этике применительно к "этике Севера". Абсолютизм ставит вопрос о пределах делимости предмета этического исследования в абстрактно-доктринальной форме. И потому он не прав. Но он окажется победившим в "ямальском конфликте", как раньше побеждал в тюменском, нижевартовском и иных методологических спорах, если релятивизм останется на позициях того же абстрактного доктринерства, не доведет дело до программ, проектов и реального жизненного согласия конфликтующих сторон, до, так сказать, новой ямальской межкультурной общности людей» (II, 39-40).

Второй «задел» не менее противоречив. Сама идея этической конкретизации не вызывает прямого возражения даже у тех наших коллег, которые тяготеют скорее к абсолютистскому подходу. По мнению Н.Д. Зотова, этика Севера «призвана исследовать особенности моральных проявлений человека... в обстоятельствах жизни на Севере вообще, а также в условиях его экономического освоения. Особенности эти обусловлены не только общей экстремальностью ситуации, своеобразием северного быта, характером целей и ценностей северян-пришельцев, но и в немалой степени не передаваемым на языке понятий загадочным воздействием на человека самого поллярного ландшафта. Знаменитый Роберт Пири называл метафорически это

воздействие "гипнозом севера"» (I, 51). Все было бы хорошо, если б далее не пришлось искать единства в представлениях, о методах практического воздействия на специфическую моральную ситуацию: готов ли этический абсолютизм на это и в какой степени? Не случаен ведь весьма плодотворный скептицизм вопроса О.А. Донских: «Я не уверен, что этика может создаваться целевым назначением» (I, 47).

Мы полагаем, что все выявленные и еще не освоенные «заделы», содержащиеся в специально организованных экспертных опросах и связанных с ними акциях игрового моделирования (им посвящен следующий раздел статьи), ставят прикладной подход к этике Севера перед таким «веером» альтернатив, в котором стержнем является не противостояние «технократического» и «человеческого измерения», но конфликт внутри доктрин гуманитарности, между самими этическими системами.

Так, по мнению С.В. Соколовского, наряду с развитием экологической этики и этики межнациональных отношений на Севере актуальная «задача этики видится в определении границ универсума, за пределами которого объективистски-манипулятивная парадигма европейского исследователя становится несостоятельной» (I, 83-84). В жесткой форме необходимость выявления гуманистических оснований различных этических подходов зафиксирована в названии текста Т.С. Караченцевой «О неуместности гуманитарности в гуманитарной экспертизе» (II, 64). Что ж, именно поэтому соединены в одной анкете вопросы о трактовке понятия «человеческого измерения» с собственно вопросами об этике и этосе Севера. Еще предстоит исследование их корреляции в экспертных суждениях.

Однако уже здесь необходимо подчеркнуть, что прикладной подход стремится выявить свой гуманистический потенциал прежде всего в самом отношении к конфликту между различными системами моральных ценностей, в которых представлено приложение общечеловеческих ценностей к образу жизни различных субъектов северного, этоса. Это прежде всего снятие искусственной (но только искусственной) поляризации конфликта, драматизации, характерной для гиперклассового представления о природе и морали советского общества, активация ценностей гражданского общества (пусть в их особом «северном исполнении»), сама природа которых пронизана идеей договора, согласия, компромисса, нормами и правилами «скромной этики контракта». Такая установка позволит более эффективно и более гуманно решать или хотя бы оптимизировать реальные конфликты арктической политики. В этом плане представляется плодотворной позиция И.И. Крупника, который очень точно откорректировал версию «ямальского конфликта» посредством критики его искусственно упрощенной схемы («выживут ли коренные народности, если "покорители" полностью уйдут с Ямала?» и, наоборот, «какова судьба "покорителей", если в случае их победы Ямал обезлюдеет, его природа будет покалечена навеки, и вся планета по-

чувствует это на себе?»). Его вариант вопроса анкеты о выживании сторон конфликта следующий: «Каковы могут быть альтернативные источники доходов общин коренного населения, если они откажутся от отчислений за добычу газа на их территориях? Или: как будут соотноситься доходы от продажи ямальского газа с необходимостью более высоких расходов на охрану территории, экологический мониторинг (что, безусловно, в общенациональных интересах) и на отчисления коренному населению? Или: какова долгосрочная правительственная программа сбережения национальных энергетических ресурсов для будущих поколений?» (II, 69). Очевидно, в таком освещении схема конфликта «выживем – не выживем» меняется существенным образом.

Подчеркнем еще раз: этика Севера как направление прикладных этических исследований, предмет конкретизации общечеловеческих ценностей – не просто этическая регионалистика. За «исторической долготой» стоит взаимодействие этноэкологической этики, этики гражданского общества, политической этики в их пересечении с региональной ситуацией нравственной жизни. Эта гипотеза потребует, разумеется, специальных исследований. Некоторые шаги в этом направлении мы предпримем.

3. Категорический императив этики Севера

Из имеющихся на сегодняшний день результатов этико-прикладных исследований по проблемам этики Севера – здесь материалы и экспертного опроса, и игрового моделирования на его основе по проблеме справедливого политического решения задачи выживания, убережения и содействия развитию коренных народов Тюменского Севера¹², и материалы годичной научной сессии Центра прикладной этики по теме «Этика Севера – экспертный потенциал»¹³ – сосредоточим внимание на анализе итогов гуманитарной экспертизы идеи сбалансированного развития Севера.

Избранная для анализа идея лежит на пересечении двух направлений прикладной этики – политической и региональной. Отметим сразу, что в исследовании нравственной жизни нашего общества локальный момент чаще всего представляется неизбежным, но досадным ограничением для методов социологии морали. Даст о себе знать неукротимое стремление к генерализации выводов, их экстраполяции на более широкие общности, чем на те, с которых была «снята» первичная информация (нет ли такого момента в идее «обратного приложения»?). При этом сформировалось отношение к материалу, который плохо поддается генерализации, как не имею-

---

¹² См.: Освоение без отчуждения, ч. 1, 2. – Тюмень, 1989; Бюллетень «Диалог». – Тюмень, 1989, N8; сб.: Гуманитарные проблемы освоения. – Москва-Тюмень, 1990.

¹³ Этика Севера: экспертный потенциал. – Тюмень, 1991.

щему свойства самооценности, подобно игле одноразового пользования или же бумажной салфетке. Такой подход (на наш взгляд, он был продиктован не столько рядом собственно эпистемологических трудностей социологического познания в его приложении к нравственной жизни, сколько долгим ослаблением интереса к поиску того особенного в этой жизни, что наиболее полно выражало бы сущность всеобщего) объясняется торжеством бюрократическо-технологической идеологии, которая проявляет равнодушие ко всему органическому, естественному, что характеризует социальную и духовно-практическую стороны жизни общества. Управленческие звенья, вдохновляемые такой идеологией, испытывают неприязнь ко всему, что не подлежит нивелированию (кроме того, разумеется, за чем признается «инкрустирующая» ценность).

В такой ситуации духовно-нравственные аспекты жизни региона приносятся в жертву, их стремятся выдать лишь за незначительные модификации «целого», за бытовые подробности, малосущественные для понимания «целого». Не нужно быть пророком, чтобы понять: становление новых разнообразных моделей интегрального развития, ориентированного на различия, на использование особых условий, традиций, подходов, окажет огромное влияние на процесс накопления специфических черт в нравственной жизни регионов страны. Этика в целом, этика Севера, политическая этика и этика гражданского общества должны быть готовы к такому повороту. Развитие глобальной, планетарной этики должно сопровождаться, быть уравновешенным и дополненным развитием регионалистского этического мышления.

Ограниченный на сегодня экспериментальный материал развития комплекса направлений прикладной этики представлен, в частности, экспертным опросом по проблемам арктической политики в целом, по концепции сбалансированного развития в том числе. Переходя к гуманитарной экспертизе этой концепции, а точнее – идеи, которой еще предстоит развернуться в концептуальную систему, зададим сразу верхнюю планку экспертизы: рассмотрим возможность для этой идеи стать своеобразным категорическим императивом этики Севера. Точнее, попытаемся выявить в «банке императивов», стоящих за этой идеей и даже оппонировавших ей, различные смыслы. Версиям сбалансированного развития, особенно о приоритете этой идеи в освоении Севера, предстоит в процессе экспертизы, во-первых, отстоять себя средствами морального обоснования и оправдания не только перед альтернативными императивами типа «закон-тайга» или «человек человеку и природе – Друг», но и перед результатами реконструирования стоящих за идеей нравственных идеалов, ценностей, норм и, во-вторых, испытать себя на толерантность к иным моральным ценностям, на сотрудничество с ними.

В анкете для эксперта по теме «Арктическая политика: человеческое

измерение» был специальный вопрос об этическом содержании понятия «сбалансированное развитие»: «В последнее время все чаще говорят о необходимости "сбалансированного развития" Севера (советского, американского, канадского). Как Вы считаете, каково этическое содержание этого понятия, вернее, возможна ли "Этика Сбалансированного Развития"?». Мы были бы признательны Вам также и за критические замечания по поводу этой популярной в наши дни идеи развития (например, о соотношении этой идеи и идеи приоритетного развития традиционного для народов Севера образа и стиля жизни)» (I, 3-4).

Насколько актуален этот вопрос для экспертной оценки? По мнению А. Аграната, концепция сбалансированного развития Севера в последнее время действительно «гуляет по свету» и начинает усиленно пропагандироваться. «Считают, что ее истоки в трудах так называемой "Комиссии по окружающей среде и развитию", возглавляемой известным деятелем мировых экологических движений, госпожой Брундтланд, бывшим премьер-министром Норвегии. Основной идеей Комиссии была эта самая концепция, по которой "развитие общества должно идти не в ущерб природе, будущим поколениям и местному населению". Многие видят более ранние истоки в идеях Махатмы Ганди, а также в других восточных философских и теологических принципах гуманизации отношений человека и природы. На Севере эта концепция делает ставку на минимизацию эксплуатации невозобновляемых ресурсов, повышение приоритетности местного хозяйства, основанного на возобновляемых ресурсах, а также на максимальном учете охраны природы и интересов коренного населения. Кстати, эта концепция в общем не нова, в Канаде о ней говорилось еще в 70-х годах, а в СССР на 15 – 20 лет раньше. Впервые она выдвинута была нынешним академиком ВАСХНИЛ Е.Е. Сыроечковским» (I, II-12). С точки зрения И.И. Крупника, этическая экспертиза данной концепции актуальна, ибо «здесь мы сталкиваемся с поставленной еще в начале 70-х годов проблемой "пределов роста" – движение, построенное на расчетах, математических моделях развития цивилизаций, использования ресурсов. Сейчас мы имеем дело с "пределами роста" в чистом виде, но, прежде всего, на основе экологических и гражданских критериев. Речь идет не только и не столько о том, что мы сталкиваемся с исчерпаемостью северных ресурсов, сколько о том, что поставлены экологические и гражданские критерии освоения» (I, 58-59).

Актуальность именно этической экспертизы идеи сбалансированного развития¹⁴ подтвердим еще и организацией международного исследовательского проекта «Этика северного развития», инициированного Центром Се-

---

¹⁴ За рамками нашего анализа остаются иные дисциплинарные интересы в этой теме. См., например: Уильям Д. Рукельсхаус. Сбалансированность как глобальная стратегия. – В мире науки, 1989, N11.

верных исследований Университета Мак-Джилл (Канада) и лабораторией прикладной этики ИПОС. В числе основных мотивов Проекта – острые этические проблемы «поддерживающего (сбалансированного) развития», прежде всего – взаимоотношения меньшинств с другими группами населения и проблемы экологии в условиях индустриального развития. Общее и особенное в этих проблемах на советском и канадском Севере – предмет исследовательского внимания, конечной целью которого с обеих Сторон является стремление определенным образом повлиять на арктическую политику.

Возвращаясь к нашему экспертному опросу, отметим широкий диапазон суждений его участников – от оценки идеи сбалансированного развития как скрытого или явного оправдания «конкисты» до нескрываемых надежд на возможность новой Арктической Утопии. Рассмотрим суждения экспертов более обстоятельно.

Как полагает Г.С. Батыгин, идея сбалансированного развития «скрывает в себе словесный маневр для продолжения конкисты. Настоящий ”баланс” – эквilibrium экологической системы Севера – возможен только при невмешательстве в его жизнь. Иначе получится диалектика: с одной стороны ... с другой стороны ... – тоже разновидность войны» (I, 17).

Ряд экспертов принимает идею, предложенную для экспертизы, но оговаривает ее этические параметры. «Идея сбалансированного развития общества весьма привлекательна, – говорит В.С. Дмитриев. – В основе этики такого развития может быть положена идея о равноправии интересов этноса, отдельных социальных групп и отдельных личностей. Однако условия, в которых проживает коренное население Севера, действительно требуют определенных приоритетных начал, прежде всего связанных с владением земельными угодиями и возможностью сохранения привычного образа жизни. По мере соблюдения этих условий необходимо переходить от приоритетной политики к политике паритета, т.е. к регулированию таких отношений, когда любые действия должны быть выгодны не только самому коренному населению, но и всему населению, проживающему с ним на одной территории. Это и будет залогом конструктивного разрешения конфликтных ситуаций и шагом к формированию сбалансированного общества» (I, 46-47).

От приоритета к паритету? Так ли уж очевиден шаг? С точки зрения И.В. Бестужева-Лады, против идеи и «этики» сбалансированного развития «нет принципиальных возражений, если понимать под этим противостояние как концепции ”покорения Севера”, так и концепции ”консервации Севера” насильственно-утопической попыткой возврата к далекому прошлому, т.е. стремление сохранить основополагающие цивилизованные балансы – топливно-энергетический, материально-сырьевой, экологический, демографический и др., не допуская нарастания дисбалансов, что имеет место в на-

стоящее время. Всякое другое значение опять-таки будет двусмысленным, а "этика" оказывается тут притянутой за уши, поскольку логически больше подходит "политика" (и уж затем моральное отношение людей к той или иной политике)». И чтобы еще раз уточнить смысл «приоритетности», автор подчеркивает, что словосочетание «приоритетное развитие традиционного образа и стиля жизни» напоминает лозунг «назад, к XIX веку». «Но ведь это же утопия, а мы уже реализовали одну такую ("казарменный социализм"). Наверное, опять-таки имеется в виду ограниченное (сбалансированное) развитие, ориентированное на подлинно человеческие ценности, с учетом всего конструктивного в образе жизни коренных народностей (но было много и неконструктивного, обреченного)» – (I, 25).

Эксперты отвечали на анкеты, не зная мнения коллег (первый тур опроса обусловлен такой методикой). Потому можно лишь предположить косвенную связь между последней фразой И.В. Бестужева-Лады о конструктивном-неконструктивном развитии и настойчивым акцентированием рядом экспертов своего скепсиса по поводу понятия «развитие» применительно к идее сбалансированности. Так, О.А. Донских, показав уязвимость уверенности «покорителей» в своей исторической правоте и даже в том, что они несут благо коренным жителям Севера, обосновывает тезис о несовместимости прогресса и ценностей человека с его уникальной культурой и первозданной природы. «Сбалансированное развитие в любом случае подразумевает развитие, т.е. приоритет идеи прогресса... Думаю, следует говорить не о развитии, а о соблюдении баланса наличных интересов с поправкой на приоритетные ценности, это – основная цель. Ведь развитие (неважно, обоснованное научно или нет) предполагает движение в пространстве со множеством неизвестных. Дай нам Бог разобраться с известными! Так, традиционный образ жизни нужно не развивать – он складывался сотнями и тысячами лет! – а сохранять и восстанавливать, создавая соответствующие условия и не принося интересы одних групп населения в жертву другим» (I, 48-49).

Еще один автор, Е.Ш. Гонтмахер, в тексте с заголовком «Заповеди сбалансированного развития» особо выделил необходимость отказа от традиционных понятий «прогрессивности» и «выгоды»: «Третья этическая заповедь сбалансированного развития – отказ от традиционных понятий "прогрессивности" и "выгоды". То, что кажется выгодным с точки зрения, допустим, производства, может оказаться губительным для природы и людей» (I, 45).

Акцентируя вопрос о критерии «выгоды», Е.Ш. Гонтмахер дает импульс к поиску более точной постановки проблемы. А ориентир такого поиска, возможно, содержится в мысли И.И. Крупника о том, что этика сбалансированного развития в условиях Арктики возможна «не на основании прагматического расчета как своего рода ареальной модели Западной цивили-

лизации. Магистральный путь – не за счет баланса между наличием и применением ресурсов, а за счет высшей формы эффективности используемых ресурсов и минимизации затрат» (I, 59).

Итак, столкновение позиций экспертов может быть воспринято как требование альтернативного выбора: паритет или приоритет. Однако верность диагноза и прогноза ситуации выбора требует осознания места и роли нравственных критериев и оснований как версии «паритетности», так и версии «приоритетности». Статус нравственных критериев – на уровне их конкретной включенности в идею сбалансированности развития Севера – один из необходимых результатов анализа экспертного опроса¹⁵.

Не позволяя себе выступить с претензией на «экспертизу экспертизы», предложим далее нашу тезисную версию категорического императива арктической политики, в которой, как и планировалось ранее, проявляется взаимосвязь политической этики и этики Севера. Мы полагаем, что в этой версии важны не «выводы» и «заклучения», а постановка вопросов к дальнейшей работе над проектом «Этика Севера».

1. Смутное время, тотальная переоценка не только ценностей, но и понятий, «загруженность» большинства из них негативными значениями требуют постоянного уточнения и прояснения смыслов ключевых понятий. На самом пике актуальности идеи гуманитарной экспертизы политических решений, призванной своими результатами консультировать практику политического выбора, вдруг взорвалась новой актуальностью важнейшая в эпоху застоя проблема морального квиетизма, нейтралитета, неучастия в политике, уклонения от нее. Становится все более насущной заботой эпохи тотальной политизации моральная защита от политического выбора.

Наша сегодняшняя свобода оказалась настолько обремененной отчуждением – неподлинным выбором, политическим аморализмом, – что приходится ставить специальную научно-практическую задачу по развитию культуры неучастия в мнимом выборе, предлагаемом наличными политическими альтернативами. Как разрешить парадокс этапа зарождения свободы, когда эйфория от тотальной политизации и общественной и приватной жизни заглушает инстинкт морального самосохранения, затащила в водоворот свободы выбора те моменты моральной регуляции субъекта, которые призваны уберечь его от отчужденных альтернатив, самосохраняться уклонением от неумеренной политизации?

---

¹⁵ Сам экспертный опрос «Арктическая политика: человеческое измерение» был лишь первым этапом гуманитарной экспертизы. Вторым – была экспертиза в режиме игрового моделирования, в числе участников которого – и участники опроса. Одним из результатов этого этапа явился проект декларации «Базовые ценности и основные принципы арктической политики» (ее текст предпослан ответам экспертов в уже цитированном сборнике). Первая попытка анализа названной игровой экспертизы предпринята нами в кн. «Введение в политическую этику» (С. 155-171).

Не разумнее ли обусловить употребление понятия «арктическая политика» обязательной дозой скепсиса уже относительно масштаба его применения в поиске средств «освоение без отчуждения»? Разве политика – единственная надежда спасения Севера, даже если речь идет о политике, цели и средства которой контролируются моральными ценностями? Может быть, Спасение Севера в Этике Севера?

2. Исследование экспертного потенциала этики Севера предполагает беспрестанный процесс рефлексии по поводу названных уже Сцилл и Харрибд гуманитарной экспертизы. Вероятно, наиболее напряженное поле создается вокруг идеи сбалансированного развития. Освоив весь спектр этических оправданий и этической же критики этой идеи, вернемся к образному Принципу «освоение без отчуждения» как ориентиру экспертизы идеи сбалансированного развития и стоящего за ней многообразия парадигм.

Вскрывая возможность маскировки тенденций прогрессорства, скрытой «конкисты», высокомерия индустриальной цивилизации и т.п. в этически оправдывающих подходах, возможность морального догматизма, ригидности в критических оценках, нежелание-неумение принять как правомерное все разнообразие моральных систем в этосе Севера, поставим вопрос о сбалансированной аксиологии Севера. Именно в этом смысле мы полагаем продвинутой еще на один шаг нашу прежнюю гипотезу, согласно которой «сбалансированное развитие» – не просто сбалансированная экономика или сбалансированная политика, но аксиология, императивом которой является плюрализм моральных систем – прежде всего традиционной культуры и культуры индустриальной, выражающийся в моральной реабилитации соответствующих им стратегий освоения. Не равнодушие к добру и злу, не «умывание рук» в отношении к борьбе явно неравных сил, но признание равноправия обеих форм образа жизни и природопользования. Этическое обоснование этой этноэкологической парадигмы¹⁶ – назначение этики сбалансированного развития как взаимодействия политической этики и этики Севера. Известно, что у стран задержавшегося «трансенсауса» в индустриально-урбанистическую цивилизацию был благотворный культурно-нравственный фон развития. Дело в том, что в аграрно-традиционных цивилизациях о некоей единой, свойственной всем ее культурно-региональным типам, нравственности мы вынуждены говорить не просто с большой осторожностью, но и в значительной мере условно.

Нет слов, синкретизм общественной жизни и общественного сознания, слабая выделенность отдельных их сфер и форм обеспечивают известное однообразие нормативно-ценностной регуляции поведения «традиционного человека». Но в то же время пестрота структуры сословно-статусных социумов, мозаика из различных и замкнутых каст, общин, кор-

---

¹⁶ См.: Крупник И.И. Арктическая этноэкология. – М., 1989.

пораций, этноконфессиональных общностей сегментируют их нравственную жизнь, дробят ее за счет детализации, подробностей местных обычаев, нравов, церемоний, традиций. И все это – при высокой степени включенности каждого индивида в органические локальные коллективы и при низкой автономности всех этих индивидов.

Но при «исходе» из застойных традиционных форм социальной жизни и расшатывании коллективистского диктата начинает доминировать тенденция к универсализму. И тогда повышается удельный вес значений «современности», а затем и «постмодернистских» ценностей во всем огромном резервуаре всех наличных культурных значений и норм. Мы далеки от мысли, будто под тяжким герметическим «саркофагом» этой самой современности оказались навеки погребенными полные своеобразия, а подчас и нравственной силы, традиционные структуры потребностей, древних инстинктов, чувственности и способы их регуляции. В них содержится социально-организующая сила, и этот пласт сознания, собственно говоря, и не может быть вытеснен, разрушен до основания¹⁷. Но вместе с тем он и не может остаться незатронутым: пришлось ему потесниться, отступить в партикулярные сферы человеческого мировосприятия и поведения, сместиться на периферию сознания. В индустриально-урбанистической, рыночной, товарной цивилизации определенное сходство в технологическом базисе и образе жизни, в целевых установках, социальных структурах и мотивации активности неминуемо приводит к доминированию тенденции к универсализации норм и ценностей, к известному смягчению цивилизационного плюрализма в культуре. Все чаще «малые» нормативно-ценностные системы оказываются всего лишь итогом последующей конкретизации норм, оценок, моральных идей «большой» системы и функционируют в качестве множества ее определенным образом связанных подсистем. Они удерживаются в ее орбите, препятствуя раздроблению общественной нравственности, превращению ее в конгломерат разномастных «приватных этик».

Несомненно при этом, что как развитие предложенного нами императива, так и его практическая реализация – это предмет экспертного творчества (имея в виду оба вида экспертизы – демократическую и меритократическую), этического мониторинга, конструктивной моральной критики на каждом этапе принятия политических и иных решений.

---

¹⁷ См.: Савчук В.В. Новации и архаические элементы сознания. – Философские науки, 1991, N 10.